



РУДНО, очень трудно писать о человеке, который так много сделал, — так часто начинают очерки об интересных людях. Я должен сказать, что, наоборот, это очень облегчает мою задачу. Мне легко писать о Сергее Образцове, потому что он талантлив. Удивительно талантлив! Удивительно и то, что годы, время нисколько не «отредактировали» его, а, напротив, умудрили и обогатили.

Чехов как-то сказал, что невозможно сформулировать точно, что такое любовь, потому что у каждого своя любовь. У каждого — и свой талант, и я воспользуюсь определением, предложенным самим Образцовым — это умение увидеть то, что не увидели другие, услышать то, что не услышали другие, понять то, что не поняли другие. Заранее знаешь, что книга, написанная Образцовым, с длинным, казалось бы, названием «О том, что я увидел, узнал и понял во время двух поездок в Лондон» будет не похожа ни на одно из многочисленных описаний столицы Великобритании.

В основе таланта Образцова, его умения увидеть и услышать лежит способность удивляться и восторгаться. Он начал удивляться миру с детства, с момента рождения. И запомнил все, чему когда-либо удивился. И вообще считает, что, если человек не обращает внимания на то, как комар складывает крылышки и, переминаясь с лапки на лапку, пристраивается, прежде чем укусить тебя, этот человек не способен ни на что. Однажды Образцов сказал мне, что не знает ни одного человека от двух лет до бесконечности, который бы не встретил хоть раз муху в своей тарелке супа. Но, если он брезгливо стряхнет ее на пол и, поморщившись, отвернется, грош ему цена. Он обязательно должен внимательно, с интересом рассматривать, как эта муха отряхивается, приглаживает крылышки, словно женщина, оправляющая юбку. Особенно опасен этот недуг невнимания к мокрой мухе в детях. Ребенок лишен «творческого органа», если в нем не вызвало интерес несчастное создание. А если человек ни разу не остановился посмотреть, как умывается муха, сидя на солнышке на листе, вряд ли он станет художником или исследователем, потому что при «атрофии удивления» ни научной гипотезы не создашь, ни художественного образа. И Сергей Образцов удивляется, показывает это людям, учит их замечать все, всему радоваться, потому что, удивляясь, он тем самым как бы преображает этот мир, претворяет его в произведение искусства.

Эта необычайная наблюдательность Сергея Образцова делает его обязательным собеседником. Самым неожиданным образом он вдруг вкрапывает в разговор о новой постановке «Евгения Онегина» фразу: «Знаете ли, кого изобразил Крылов в басне «Стрекоза и муравей»? Все же стрекозу, как принято думать, а кузнечика. Какая же стрекоза будет жить и развиваться в «мягких муравьях»? Это может себе позволить только кузнечик. Ведь муравья — это зелень, сочная густая травка на корню. А стрекозы «летают и пляшут» в кустах. Да и само слово «стрекоза» в народе некогда означало «кузнечик» — он стрекочет, он стрекочет, чего, извините, не может делать ни одна стрекоза средней полосы России».

Можно подумать, что я взялся написать очерк на странную тему: «Образцов и домашние насекомые». А между тем это совершенно неверно. Просто это неожиданно и, казалось бы, не к месту сказанное замечание вдруг вносит в наш разговор новую ноту, живую, образцовую, и мы все, «умудренные», все видевшие и все знающие, вдруг начинаем понимать, что мы не все видели и не все знаем, и бесконечно за это напоминаем благодарны Сергею Образцову. Он просто подкасал нам, что мы еще не так стары и нам предстоит еще в жизни открытия.

Я не стану себя ограничивать темой «Образцов и насекомые» еще и потому, что тем самым просто обеднил бы Сергея Владимировича. Он любит не только стрекоз и букашек, не только продолжил в своих спектаклях, рассказах и кинофильмах славную галерею образов, начатую бессмертной Мухой-Цокотухой, но отдает много времени птицам, рыбам, крокодилам, сиамским котам и кошкам, а также своим дворянам Бандиту и Елизавете Сергеевне, которые, по глубочайшему убеждению Сергея Владимировича, представляют собой собачий вариант Ромео и Джульетты.

Давно, много лет тому назад, Образцов задумал книгу о влиянии природы и животных на человека. Сейчас он придумывает фильм о том, как природа и животные, общение с ними превращают ребенка в человека, художника и гуманиста. А пока не готов фильм и нет еще книги, в театре Образцова, наверно, половина персонажей в спектаклях — звери. Это и в «Веселых медвежатах», и в «Волшебной калаше», и в одном из самых любимых зрителями образцовских спектаклей — «Маугли».

Не раз в детском театре актеры исполняли роли собак и обезьян. Как часто они пугающе некрасивы и злобны. Дети и в самом деле их боятся, а мы, взрослые, конечно же, понимаем, что сейчас нам не до эстетического воспитания, лишь бы не дать расплакаться зрительному залу. В «зверинном» спектакле Образцова звери удивительно симпатичны. Обаяние этого артиста и режиссера распространяется и на его кукол, его любовь к живой природе делает их близкими и человечными. Ну чем в конце концов отличается Кот в сапогах от человека? Он ломается и кокетничает, манерно раскланивается, снимает свою широкополую шляпу с перьями. Этот Кот подражает людям, их манерам и вкусам.

Минуты радостной встречи со своим детством дарит Образцов взрослому зрителю в детском спектакле о двух медвежонках. Это брат и сестра, и они делают все, что делали мы в детстве. Эти воспоминания — мягкие, лиричные, раздумчивые. И как он может вот так, вдруг, сделать, чтобы комок к горлу подкатился, чтобы стало тепло и приятно. Ведь это всего лишь два медвежонка. Да и не медвежата вовсе, а куклы. Обыкновенные куклы! Нет, необыкновенные. То ли они очень похожи на людей, то ли люди — на них.

Сергей Владимирович — удивительный природовед и педагог. Его куклы живут на сцене человеческой жизнью, воспитывают детей, учат их добру, справедливости, красоте человеческих взаимоотношений, презрению к трусости, ответственности перед собой и товарищем.

Хитрый еж посоветовал зайцам съесть волшебную калашу, чтобы стать храбрыми. Зайцы, давясь, едят калашу. Но она никакими волшебными свойствами не обладает, эта калаша; однако зайцы так уверовали в ее чудодейственные свойства, что и в самом деле по-

храбрили. Верьте, зайцы, верьте, что вы можете из жалких трусов обернуться в смельчаков. И я верю в вас, хоть вы и куклы.

И уж совсем я сопереживаю всем событиям в реалистическом театре кукол, когда встречаюсь со старыми знакомцами Багирой и Балу. Они такие пластичные, выразительные актеры, что порой я, режиссер «человеческого» театра, начинаю завидовать режиссеру кукольному. И еще раз удивляюсь и радуюсь счастливой изобретательности Образцова.

Эта способность воздействовать на детей, очевидно, так сильна в нем, так талантлива, потому что в Образцове живет, как в каждом настоящем большом поэте, невытравимая память о детстве, точное знание и понимание детской психологии и особенностей ребячьего восприятия. «Детский уголок» в душе и памяти Образцова создал для нас, благодарных зрителей всех возрастов, такой удивительный, ни с чем не сравнимый театр.

Вот к чему могут привести увлечения! «Личные» забавы, которые у таких людей, как Образцов, превращаются в общественное достояние. Сколько у него таких личных увлечений!

Нельзя не изумляться и тому, как он успевает все: быть одновременно режиссером, сценаристом, педагогом, выступать по радио и телевидению, писать книги! Сергей Владимирович не только делает так много, но и прекрасно объясняет, каким образом разнообразные увлечения приводят к творческим открытиям.

Я лично всегда с удовольствием, с огромным интересом слушаю Сергея Владимировича и узнаю все о новых и новых его увлечениях и открытиях. Например, в области русского языка. Недавно в Югославии Образцов услышал слово «огорлица» — это ожерелье — и вдруг понял! Огорлица и ожерелье — слова одинаково образованные: около горла, около жерла. Он утверждает, что поговорку «кто в лес, кто по дрова» мы, городские жители, употребляем неправильно: в деревне ездят за дровами в лес, а не в другую сторону, и эта поговорка означает то же, что и «что

### профиль артиста

# ЩЕДРАЯ МУДРОСТЬ СЕРГЕЯ ОБРАЗЦОВА



Юрий  
ЗАВАДСКИЙ,  
народный артист СССР

в лоб, что по лбу». Открытий таких много, часто сделать их помогает Даль, еще чаще бывшая смоленская крестьянка, хороший друг дома Екатерина Васильевна.

Острая наблюдательность, пылкость никогда не выплескиваются бесполезно через край, а синтезируются в художественные образы. Это впитывание новых впечатлений, новых знаний ничего не дало бы, не сочетайся оно с необычайной изобретательностью. В каждом звере и в каждом человеке Сергей Владимирович обнаруживает такие черточки, какие под силу обнаружить, да и то с помощью электрощупа, разве что профессору Фаустову, начальнику института «И-го-го». Именно поэтому в его спектаклях ведьмы, которые обычно знают с нечистой силой, мирно жарят котлеты на кухне, русалки, как правило, устраивающие ночные пляски, танцуют на пляже под патефон, а директор бани неожиданно превращается в директора театра, ибо он оборотень.

Все под силу этому удивительному художнику, который апеллирует к вашему зрению, слуху, эмоциям. Должна возникнуть ассоциация. Это та электрическая искра, которая высекается наблюдением, размышлением, которая рождает произведение искусства.

На этом ассоциативном фундаменте и живет главное дело Образцова — его прославленный театр. И теперь я, не стесняясь, могу сказать, что обо всем, о чем я говорил до сих пор, я говорил только затем, чтобы высказать эту известную всякому школьнику истину: главное дело Сергея Образцова — кукольный театр.

Только люди моего возраста помнят сейчас, как в обшарпанные, темные двory входил праздник — это был театр и оркестр одновременно, в одном лице. Входил человек, за спиной у него был горб — шарманка и рама с пюблешим ситцем. Оркестр и артисты — все было за спиной шарманщика. Этот удивительный инструмент от одного поворота ручки начинал издавать тонкие кашляющие звуки, а маленький артист с визгливым голосом и острым носом показывал свои удивительные приключения. Об этом кукольном артисте нашего детства, мне казалось, уже все забыли. Но совсем



Сергей Владимирович ОБРАЗЦОВ с куклой Тяпой.

недавно я встретил стихи, написанные как будто бы не старым поэтом. Оказывается, и в нем оставил след этот бродячий артист:

Еще я помню уличных гимнастов,  
Шарманщиков, медведей и цыган  
И помню развеселый балаган  
Петрушек голосистых и носастых...  
И в той Москве, которой нет почти  
И от которой лишь осталось чувство,  
Про бедность и величие искусства  
Я узнавал, наверно, лет с пяти.

(Д. САМОЙЛОВ)

Я помню Сергея Образцова с тех пор, как он начал с кукольной эстрады и постепенно опроверг мысль о «бедности» искусства. Нет, оно богато, щедро так, как может быть щедр человек, не подозревающий о собственной щедрости.

Один за другим «сходили со сцены» Петрушки всех стран. Это относится и к итальянскому Пульчинелле, и к французскому Полишинелю. Но эти ярмарочные драчуны и балагуры по-своему ожили в сегодняшнем кукольном театре Образцова, хотя он совсем не похож на мои детские воспоминания. Образцов объясняет это тем, что современные кукольники не приняли эстафету от своих предшественников, а «подняли с земли уроненное». Начав с эстрадных номеров, когда кукла Образцова в основе своей апеллировала к тем же чувствам, что и ярмарочная игрушка, Сергей Владимирович пришел к кукле, которая может «повествовать» о самых высоких чувствах и обращаться к самым изощренным интеллектам.

Первые куклы Образцова «брали на вооружение» избитые балаганские детали. Титулярный советник, опьянев, под музыку Даргомыжского поглаживает и обнимает собственную ногу, принимая ее за свою возлюбленную. Но уже у этой куклы появляются новые детали, образцовские, которые почерпнуты из точного знания возможностей кукольного артиста: кукла порой лучше, чем живой актер, может высмеивать, пародировать, доводить карикатуру до памфлета.

В кукольном театре, где все условно, где нет ни одного «настоящего» предмета — от стола до обезьяны, от грозных туч до девочки, — нужна, так сказать, безусловная условность, точная изобразительность, чтобы будить «настоящие», неподдельные чувства. И Образцов этого добивается. До него кукла возбуждала лишь улыбку, сочувствие, режиссер — раздумье, во всяком случае имела дело с простейшими эмоциями взрослого и маленького человека. Высокие чувства кукле были противопоказаны. И вдруг Сергей Владимирович Образцов открыл, что кукла может «показывать человеческую страсть с какой-то особенной чистотой. Романтическая и героическая любовь у кукол может стать по-настоящему высокой, нежной, трогательной, образной в самом лучшем смысле этого слова».

В этом можно убедиться, посмотрев последний детский спектакль «Солдат и ведьма». Он поставлен учеником Образцова, но в нем все крупными, которые были собраны мастером за многие годы. И две большие куклы, которые стоят на авансцене во время всего спектакля, — бравый солдат и его нежная возлюбленная, — странным и трогательным образом напоминают об этих высоких чувствах детям, которым адресован этот спектакль. Когда борьба с препятствиями на их пути к счастью благополучно заканчивается, когда злая, но глупая ведьма разоблачена, после всех волнений и пролитых слез, как из пульверизатора, бивших из прекрасных глаз принцессы, — после всего этого возлюбленные соединяются, и бравый солдат восторженно бьет в барабан, а бабочки, украшавшие платье принцессы, вдруг оживают и начинают радостно хлопать крылышками. Все зрители теперь уж ни на минуту не могут усомниться в том, что это подлинная любовь, что это подлинное счастье, хотя до этого момента на сцене обыкновенные куклы — «рабочие сцены» — на глазах зрителей открыто устанавливали ширму, открыто «вызывали» на сцену исполнителей всех ролей.

За это радостное и высокое искусство, за эту щедрую мудрость, которой одаривает нас народный артист Советского Союза Сергей Владимирович Образцов, хочется горячо поблагодарить его сейчас, когда ему исполнилось 70 лет, и напомнить всем, что юность в его возрасте — самое естественное состояние.